

Труд - 1999 - 28 мая - с. 17

С Аркадием Вайнером мы долго договаривались о встрече. «Вот только когда?» — раздумывал он по телефону. Свою занятость определил весьма образно: «Пытаюсь удержать под мышкой сразу пять арбузов». Один из них — новый канал на ТВ, который он создает вместе с дочерью Натальей Дарьяловой («У всех на устах»). Другой — роман, который, как и все книги, пишется в соавторстве с братом Георгием, живущим сейчас в Америке. «Что это будет?» — спрашиваю. «Такая сага о Форсайтах московского разлива...» В общем, встретились мы спустя месяца два.

— Вы работали себе в МУРе — почему вдруг взялись за перо?

— Мы с братом Жорой просто хотели заработать денег. Нам было обещано 400 рублей за рассказ по мотивам дела, которое я тогда расследовал.

— Деньги нужны были на что-то конкретное?

— Конечно! На хлеб, на водку. Мы же были нищими. Жора — корреспондент ТАСС, у меня на Петровке зарплата 160 рр. А мы уже обзавелись семьями.

— Получили обещанное?

— Нет. Рассказ вылился в большую книгу — абсолютно ученическую, которую мы переписывали трижды. Почти как Лев Толстой. Так и самообучились. Раз впрягшись в плуг, взялись пахать эту ниву. Выяснилось, что занятие безумно интересное, независимо от гонорара.

— Деньги для вас многое значат?

— Вещь нужная, но не главная. Говорю со знанием дела, поскольку однажды был богачом. В 1991 году огромными тиражами вышли в свет два наших последних лучших романа. У меня на сберкнижке лежал ровно миллион рублей. Мог купить что угодно. Правда, через год сбережения сгорели — я вернулся в нормальное советское состояние.

— Лучшие романы — это «Петля и камень» и «Евангелие от палача»?

— Я считаю, это бомбы. Атомные.

— Вы на сто градусов развернулись от своих прежних положительных героев-чекистов и взялись разоблачать преступную деятельность эмгэбэшников. Значит ли это, что, создавая «Место встречи...», вы держали фигу в кармане?

— Ну нет. Тогда мы писали искренне и вдохновенно. И там все правда. Но когда поняли, что благодаря ярким персонажам вроде Жеглова работаем на воспевание ненавистного тоталитарного режима, замыслили рассказать правду о деятельности МГБ. Это были 70-е годы. Мы писали книги тайно, не рассчитывая увидеть их напечатанными при нашей жизни. Это был каторжный труд. Мы по крупицам, по свидетельствам последних живых очевидцев, в том числе из МГБ, восстановили факты реального убийства Соломона Михоэlsa и заговора под названием «Дело врачей-убийц». Рукописи мы закопали в землю, считая их смертным приговором себе.

— Почему же «бомбы» не взорвались?

— Мы, видно, никудышные Но-страдамусы. Не смогли предвидеть внезапное крушение советской власти. Пропустили Горбачева, точнее, Раису Максимовну, ибо утверждаю: реформы начались с нее. И только в 89-м году, оправившись от шока, мы извлекли книги на свет. Так что «бомбы» они стали, скорее, в литературном смысле.

— Тем не менее всенародная любовь к вам пришла с популярным телесериалом о Жеглове и Шарапове.

— Это не так. Уже был «Визит к минотавру». Но мы охотно взялись за продолжение «Эры». Сценарий уже готов. И сразу скажу: Глеб Жеглов будет убит.

— Потому что больше нет Вы-соцкого?

— И еще потому, что Жеглов, который ради идеи действительно пройдет по головам, впоследствии мог бы стать просто опасным. По нашему первоначальному замыслу он дорос бы до замминистра госбезопасности и столь же яростно, как с уголовниками, расправлялся бы с «врагами народа».

— Всякий раз, когда ТВ повторяет показ фильма, поневоле ис-

— Чем закончилась акция?

— Два месяца ушло на подготовку списков, куда включили миллион гавриков, в течение третьего их расстреляли. Естественно, наступило некоторое затишье по части криминалитета.

Потом Хрущев. Волюнтаристским решением сломал две тюрьмы в Москве — огромную Таганскую (помните: «Таганка — все ночи, полные огня...») и женскую — Новинскую. О чем горделиво объявили на весь мир: мол, вот как хорошо в Советском Союзе с преступностью. На самом же деле тюремные камеры, которые вмещали 10—15 человек,

— А вы «за» смертную казнь?

— Я противник смертной казни, как вообще всякого грубого насилия над личностью. Но я убежденный сторонник мысли о том, что сегодня отмена смертной казни повлечет за собой еще более ужасные последствия, чем те, что имеем. Смертная казнь — это последний барьер, который удерживает отможенных преступников от убийства. Они должны знать: за «мокрое дело» полагается «вышка». Один перед ней не остановится, а трое не рискнут. Тем более что каноническая блатная удаль уже почти вымерла.

— Что — и преступный мир растерялся от свободы?

— В нем, как в доме Облонских, все перемешалось. Если раньше пахан, то есть фигура из высшей сферы уголовной иерархии, приказывал рядовому бандиту доползти на четвереньках хоть до Тюмени — тот послушно выполнял. Сейчас, когда нынешний авторитет говорит

метовским способом). Главное же — татуировка наводит полицию на грех: если человек «цветной», значит криминальный. Зачем им это? Им нужно, чтобы окружающие считали их добропорядочными гражданами и при удобном случае выбрали в Думу или мэры. Новейшая история уже имеет тому массу ярких примеров.

Одним из очень интересных аспектов нынешних уроков является то, что они не судимые. Даже самые крутые наши бандиты. Они же банкиры. Они же президенты всевозможных открытых и закрытых обществ. Справедливости ради оговорюсь: не все банкиры и президенты обязательно преступники. Хотя из той же справедливости должен заметить: может, на сто тысяч выдающихся деловых людей приходится только один ангел во плоти. В период первоначального накопления всякое состояние запачкано той или иной грязью. Понятно, что в условиях социализма оно в принципе не могло возникнуть законным путем.

— По словам бывшего министра внутренних дел Анатолия Куликова, 80 процентов государственной собственности было «приватизировано» еще до принятия соответствующего закона о приватизации. Эти незаконные новые хозяева — кто? Воры?

— Безусловно. Они украли часть действительно всенародного богатства. И те чиновники, которые им это позволили, за взятки (обязательно — за взятки!) оценив завод, стоящий миллиарды, в три копейки, — тоже воры.

— Почему же тогда наши олигархи не в тюрьме?

— У нас в стране наблюдается прогрессирующий паралич власти — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Даже история с главным борцом за правопорядок — Генпрокурором, который, как жена Цезаря, должен быть вне подозрений, — только частный эпизод из этой оперы.

— Но, наверное, «гуляющий» Генпрокурор лучше, чем прокурор-убийца, как это было в советской истории.

— Почему мы вечно оказываемся в условиях выбора между плохим и худшим? Почему не заслуживаем иметь нормального порядочного прокурора, каким был, допустим, Александр Федорович Кони? Впрочем, ответ знаю. Это ведь не просто летучая фраза, что народ имеет то правительство, которое заслуживает. Она отражает суть глубочайших социально-экономических, политических и нравственных процессов, в которых происходит жизнь общества. Мы все сильно похужали. Все! Мы стали соглашателями. Нас жизнь поставила в позу просителя. По-моему, это бехтеревское определение из психиатрии. Есть такое тяжелейшее заболевание, когда человека сгибает — и он стоит как бы с протянутой рукой. Весь наш советский народ, во всяком случае — до последнего времени, стоял в этой нездоровой позе. Да и сейчас: не платят зарплату — а люди продолжают ходить на работу. Такое самоунижение!

Но молодые начинают расправляться. Я хотел бы дожить до времени, когда большая часть общества избавится от «позы просителя». От этого многое зависит. В том числе и во власти. Когда в нее придут молодые и научат родных и близких ходить на избирательные участки и голосовать за тех, кто достоин. А то сколько жуликов, умеющих овладевать ушами, мы повидали!

— Кстати, как вы отнеслись к назначению генерала Степашина — нашего главного милиционера — главой правительства?

— Хорошо. Он умный, он сильный. Власть не может быть безвольной и бесхребетной. Анархия нас задавит.

— Вам сейчас интереснее жить, чем при советской власти?

— Да мне сроду это было интересно.

— Имею в виду, что «в стол» ничего писать не надо.

— Злой парадокс жизни состоит в том, что в стол стало нечего писать.

Беседу вела
Ольга ПАРФЕНОВА

ЖЕГЛОВ БУДЕТ УБИТ, НО



Аркадий ВАЙНЕР:

«МЕСТО ВСТРЕЧИ...» НЕ ИЗМЕНИТСЯ

приняли по 40—50 зэков. Это была чистой воды показуха для Запада.

— Так или иначе, но власть справлялась с криминалитетом.

— При социализме и не могло быть большой преступности.

«сявке» что-то поперек нраву, то этот шпаненок достает из широких штанов «пушку» и «мочит» его.

Возник голый культ силы — не столько физической, сколько технической. Громадная вооруженность, не сравнимая даже с послевоенной. Из-за этого и последовал всплеск преступности.

Другим важнейшим фактором главенствования в иерархии стали теперь деньги. В руках криминального элемента собрано, по подсчетам квалифи-

Справка для тех, кто не знает: Аркадий Вайнер — бывший муровец, полковник милиции. В 60—70-х годах работал на Петровке следователем по особо важным делам. Там почерпнул материал для романа «Эра милосердия», который впоследствии стал кино-классикой «Место встречи изменить нельзя». Прототипом одного из героев послужил известный в то время сыщик Владимир Арапов (ныне пенсионер), а «Черная кошка» выросла из материалов следствия о жестокой и дерзкой банде Митина-Болотова, орудовавшей после войны в Московской области. Ее преступления едва вместились в 60 томов судебного дела.

пытываешь ностальгические настроения по тому романтическому периоду борьбы с преступностью, когда все было четко: белое — это белое, а черное — черное; «вору место в тюрьме», куда доблестные сыщики его в конце концов и улепают. Сегодня мир словно перевернулся: воры идут во власть, а милиция их охраняет.

— Преступность, с которой воевали Жеглов и Шарапов, нынешней в подметки не годится. Это довольно разнообразные явления — как тонны и километры. Сравнить их нет смысла.

Тот преступный мир был заорганизован по образу и подобию общества, ограниченный количественно, потому что бесперебойно работала система как расследования, так и исполнения наказания.

Бывали репрессивные всплески, которые впоследствии выдавались за архигениальные методы борьбы с оргпреступностью. Например, Сталину пожаловалась родственница, что ее дочь избили и изнасиловали прямо в подъезде собственного дома. Вождю это не понравилось, и он простым волеизъявлением, которому с охотой подчинился полицейский механизм, распорядился в три месяца очистить общество от уголовного элемента. По рапортам участковых милиционеров составлялись списки лиц, причастных к уголовной деятельности. Сталинской юстиции было наплевать на требование закона, согласно которому обвинить человека можно только в совершении конкретного уголовно наказуемого действия или бездействия, но не в том, что он преступник «вообще».

Любой тоталитарный режим — при Гитлере ли, Муссолини, Франко... — не позволит сосуществовать другой разновидности власти. А преступность — безусловно, власть.

— Выходит, нынешние 32 тысячи преступлений в год — дань демократии?

— Думаю, что их больше. Что касается нашей демократии — это недоносек. А по сути совершенно неприкрытая анархия, то есть безвластие. Поэтому преступность расцвела пышным цветом. Если раньше мы могли рассчитывать на определенные закономерности в поведении представителей преступного мира, то сегодня каждый из них действует абсолютно анархически.

Результаты борьбы с преступностью оставляют желать лучшего не только в несчастной России — во всем мире. Кроме разве что традиционно благополучных в криминальном отношении стран вроде Швеции. Там на федеральной тюрьме в знак того, что в ней содержится преступник, вывешивается флаг. Значит, она сегодня не пустует. Поэтому смешно, когда Швеция в составе Совета Европы требует от России паритетных действий по отмене смертной казни.

цированных статистиков, до 40 процентов текущего национального богатства. Прежде-то деньги для вора были мусором. Настоящий вор должен жить как все — бедно. Лишние деньги сдавались в «общак», откуда они распределялись семьям осужденных, на лагерный быт их самих, на подкуп должностных лиц. Теперь «общаки» вложены в банки, где отмываются все «грязные» доходы.

—...И наша доморощенная «Черная кошка» спустя годы обернулась заморским спрутом, о котором мы знали раньше только по фильмам про итальянскую мафию? Соответственно изменился и социально-психологический портрет самого преступника...

— Конечно, он далек от того лихого паренка из нашего фильма: в сапогах гармошкой, рубахе распоясской, кепочке-восьмиклинке и обязательно с татуировкой и двумя-тремя «фиксами». У нынешних преступников (конечно, не тех, которые «щиплют» в транспорте или лазают в форточки, а занятых в диапазоне от ракеты до банковского дела), например, нет никаких татуировок. Они с детства знали: это некрасиво. И больно. (А раньше героизм личности испытывался и таким рах-